

Ольга Таглина

Михаил Булгаков

Булгаков не только один из самых читаемых писателей современности — он личность невероятно притягательная и цельная, что проявилось во всем его творчестве. Откуда эта притягательность для людей самых разных поколений? Поскольку все мы родом из детства, то, может быть, в детстве Михаила Булгакова и кроются те истоки, которые позволили ему стать именно таким?

Детство писателя прошло в красивом городе со славной и необычной историей — Киеве, и даже имя ему дали в честь хранителя Киева — архангела Михаила. В своих произведениях слово «Город» Булгаков часто писал с большой буквы, подразумевая Киев.

В романе «Белая гвардия» картина Города нарисована так образно, что видишь каждый его дом, каждое дерево его садов, каждый камешек его мостовых и, одновременно, неожиданную перспективу, где «седые пороги, Запорожская Сечь, и Херсонес, и дальнее море».

Вот он, Город детства и юности Булгакова: «Как многоярусные соты, дымился, и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над

Днепром... Сады стояли безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами. Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, царствовал вечный Царский сад. Старые сгнившие черные балки парапета не преграждали пути прямо к обрывам на страшной высоте. Отвесные стены, заметенные вьюгою, падали на нижние далекие террасы, а те расходились все дальше и шире, переходили в береговые рощи над шоссе, вьющиеся по берегу великой реки, и темная скованная лента уходила туда, в дымку, куда даже с городских высот не хватает человеческих глаз...»

В этом Городе 3(15) мая 1891 года в семье преподавателя Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и его жены Варвары Михайловны, в девичестве Покровской, родился их первенец Михаил. Всего же в этой семье выросло семеро детей.

Родители Булгакова происходили из старинных семей священнослужителей и купцов: Булгаковых, Ивановых, Покровских, Турбиных, Поповых. Фамилию бабушки по матери, Анфисы

Ивановны Турбиной, писатель впоследствии подарил своим любимым героям романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных».

Афанасий Иванович — отец Булгакова, статский советник, профессор Киевской духовной академии по кафедре истории западных вероисповеданий — был человеком незаурядным. Огромная трудоспособность сочеталась в нем с ярко выраженной одаренностью. Он знал языки — и древние, и новые, у него был живой, легкий слог, он много и с увлечением писал. Он был добр к людям по-настоящему, без всякой излишней сентиментальности. Судя по его работе «Французское духовенство» и другим статьям, Афанасий Иванович был приверженцем христианских идеалов братства, равенства и свободы, мечтал об устройении общества согласно нравственному закону.

В год рождения первого сына Афанасий Иванович Булгаков был молодым доцентом академии. Карьера преподавателя духовной академии — доцента, экстраординарного, потом ординарного профессора — была почетной. Но своим детям он стремился дать светское образование.

Об отце с нежностью написала в своих воспоминаниях его дочь Надежда Афанасьевна. Она вспоминала, как в 1900 году родители купили

дачный участок в две десятины леса в поселке Буча под Киевом, и на этом участке под наблюдением отца была выстроена дача в пять комнат и с двумя большими верандами.

Афанасий Иванович был хорошим семьянином, старался дать жене и детям полноценный летний отдых. В первый же год жизни в Буче он сказал жене: «Знаешь, Варечка, а если ребята будут бегать босиком?» Варвара Михайловна согласилась, и дети с восторгом разулись и начали бегать по дорожкам, по улице и даже по лесу.

Родители никогда не говорили детям: «Ах, что ты читаешь? Ах, что ты взял?» В доме было множество книг, в том числе и классиков русской литературы, детские книги, иностранная литература, так что детям было из чего выбрать.

Афанасий Иванович обладал огромной трудоспособностью. Он уезжал с дачи в Киев на экзамены, а вернувшись, снимал сюртук, надевал простую русскую рубашку-косоворотку и шел расчищать участок под сад или огород. Вместе с дворником он корчевал деревья и уже один, без посторонней помощи, прокладывал на участке дорожки, а дети помогали убирать снятый дерн, песок. При этом следует напомнить, что участок был немаленький — в две десятины. Словом,

Афанасий Иванович с большой любовью устраивал домашнее гнездо.

Его жена, Варвара Михайловна, была жизнерадостной, образованной и мудрой женщиной. Она сумела не просто вырастить своих детей, но сплотить их, дать им всем образование, сформировать в них творческое и нравственное начало. Варвара Михайловна говорила так: «Я не могу вам дать приданое или капитал. Но я могу вам дать единственный капитал, который у вас будет, — это образование». Дальнейшая судьба всех детей Булгаковых показала, что они активно использовали это бесценное наследство и проявили себя на очень разных поприщах, их прекрасное образование сочеталось с талантом, трудолюбием, а порой и самоотверженностью.

В своих воспоминаниях Надежда Афанасьевна пишет, что мать была, конечно, незаурядной женщиной. Она рассказывала детям сказки, которые всегда сама сочиняла, и к тому же вела семью твердой и умелой рукой. Была требовательна, но не стесняла свободы детей, доверяла им. И дети со своей стороны были с нею очень откровенны. У Булгаковых не было того, что встречается порой в других семьях, — недоверия. В доме часто бывали товарищи братьев, поклонники дочерей. Так, к примеру, когда дочь Надежду спрашивали: «Надя, вам надо писать до

востребования?» — она отвечала: «Зачем? Пишите, если вы хотите мне писать, на нашу квартиру». — «Как? А мама?» — «А что мама? Мама наших писем не читает»...

Варвара Михайловна действительно не читала писем, адресованных детям, но они сами ей читали и рассказывали, если им хотелось с ней чем-нибудь поделиться. В разговорах с матерью затрагивались и житейские, и весьма широкие вопросы мировоззрения, науки, искусства. Миша, например, любил поражать мать, как и других своих собеседников, парадоксальностью, оригинальностью суждений, едкой иронией; говоря с ней, он любил ниспровергать общепризнанные авторитеты.

Именно мама приобщила юного Булгакова к сочинительству и театральному творчеству, привила ему вкус к театру. Варвара Михайловна выступала режиссером домашних детских спектаклей. В двенадцать лет Миша с увлечением играл в любительском спектакле «Царевна Горошина» сразу две роли — атамана разбойников и Лешего.

По вечерам, уложив детей спать, мать играла на рояле Шопена. Отец играл на скрипке. Он неплохо пел, чаще всего «Нелюдимо наше море». И дети, и родители очень любили оперу, особенно «Фауста». Почти каждую весну в Киев приезжал

всеми любимый Федор Шаляпин и обязательно пел в «Фаусте» — для семьи Булгаковых это был праздник. Они все вместе ходили на летние концерты в Купеческом саду над Днепром.

Позже, уже после смерти матери, Михаил Булгаков напишет: «...временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее... мне хочется сказать — поедemте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предъявить. Мир, мама?» А в конце 1920-х годов он говорил П. С. Попову: «...Образ лампы с абажуром зеленого цвета. Это для меня очень важный образ. Возник он из детских впечатлений — образа моего отца, пишущего за столом».

Афанасий Иванович действительно часто работал до глубокой ночи. Жизнь старшего поколения Булгаковых отнюдь не была сплошным праздником: дети, все почти погодки, подрастали один за другим, жалованье доцента академии было невелико, и Афанасий Иванович параллельно с преподаванием в академии искал дополнительный заработок. Сначала он преподавал историю в институте благородных девиц, потом, с 1893 года и уже до конца дней, служил в киевской цензуре. От других возможностей поддержать бюджет семьи он тоже не отказывался. Но осенью 1906 года Афанасий Иванович смертельно заболел — у него

обнаружился нефросклероз, болезнь, которая впоследствии унесет и жизнь его старшего сына.

До этого времени в семье все было хорошо: успешно начатая карьера отца, понимающая мать, хорошие перспективы у детей. А теперь оказалось, что семеро ребят — мальчики и девочки, из которых самый старший, Михаил, пошел лишь в шестой класс, а младшие — Николай, Иван, Леля — еще совсем не учились, оставались с матерью, у которой не было ни имений, ни сбережений, не было даже дома, а только наемная квартира, за которую надо было платить. А у отца не было даже звания ординарного профессора и тридцатилетней выслуги лет, дававших право на достойную пенсию.

Коллеги Афанасия Ивановича способствовали тому, чтобы он был удостоен степени доктора богословия, и одновременно возбудили ходатайство перед Священным синодом о присвоении ему звания ординарного профессора. Оно было удовлетворено 8 февраля 1907 года. Понимая, что скоро умрет, Афанасий Иванович сделал все, чтобы с его уходом из жизни семья была обеспечена средствами к существованию. Он умер 14 марта 1907 года, и его семье была назначена пенсия в 3000 рублей в год, в общем, немалая по тем временам сумма.

После смерти мужа Варвара Михайловна осталась одна с семьей детьми и вечными

семейными хлопотами. «Мама, светлая королева», — писал Булгаков. Она уверенно управляла своим маленьким королевством, его материальной базой, его системами жизнеобеспечения, его образованием, культурой, нравственностью... Это была обожаемая и добрая королева, создающая вокруг себя доверительную и теплую атмосферу, надежная в трудные времена перемен. Одному Богу известно, чего это все ей стоило, какие силы были потрачены на то, чтобы королевство выжило, сохранилось, осталось независимым, развивалось дальше! Немногим более пятидесяти лет выделила ей судьба, но Варвара Михайловна успела сделать главное — вырастить детей.

Однако детство — это не только семья, но и гимназия, с новыми друзьями, интересами, успехами и разочарованиями. Юный Булгаков прошел пригготовительный класс Киевской Второй гимназии и в августе 1901 года стал учиться в знаменитой Первой мужской Александровской гимназии.

Это была необычная гимназия, она имела особый статус. Император Александр I в свое время даровал ей широкие права, а в 1901 году министр народного просвещения генерал П. С. Ванновский привлек для работы в этой гимназии университетских преподавателей. Основные курсы

в ней вели доценты и профессора университета и политехнического института.

Например, спецкурсы по философии, логике и психологии читал известный философ Г. И. Челпанов, учителем латинского языка был чех А. О. Поспишил, издатель сочинений Платона, русский язык и словесность преподавал крестный отец Михаила Н. И. Петров, потом его сменил доктор Венского университета Ю. А. Яворский, крупный ученый-фольклорист, историю читал М. И. Тростянский, специалист по Гоголю, естествоведение (совершенно новый предмет, ранее никогда не преподававшийся в средней школе) вел профессор Добровлянский, преподававший в политехническом институте.

По уровню преподавания и составу учителей Александровская гимназия не уступала лучшим столичным учебным заведениям. Исследователи творчества Булгакова считают, что эта гимназия сыграла в жизни автора «Мастера и Маргариты» такую же роль, какую Царскосельский лицей — в жизни Пушкина.

Директором Александровской гимназии был Евгений Адрианович Бессмертный — прекрасный педагог, человек, который умел защитить своих учеников в любых сложных жизненных ситуациях (а их было немало, например, в революционный 1905 год). Константин Паустовский, учившийся

вместе с Булгаковым, так описал Бессмертного в своей «Повести о жизни»: «...пожилой красавец с золотой бородкой, в новеньком форменном фраке. Он был мягкий, просвещенный человек, но его почему-то полагалось бояться». Должность, как говорится, обязывала, поэтому и полагалось бояться, однако личность директора раскрывалась перед гимназистами совсем с другой стороны.

Сами же гимназисты были, конечно, очень разными, но их объединяло некое неформальное братство, которое часто объединяет тех, кто вместе учился, открывал для себя мир, впервые познавая его светлые и темные стороны, создавая те дружеские узы, которые остаются на всю жизнь.

В романе «Белая гвардия» Алексей Турбин вдруг вспомнит гимназические годы и перед ним встанет картина из давно прошедшего детства: «...Толпа гимназистов всех возрастов в полном восхищении валила по этому коридору. Коренастый Максим, старший педель, стремительно увлекал две черные фигурки, открывая чудное шествие.

— Пущай, пущай, пущай, пущай, — бормотал он, — пущай, по случаю радостного приезда господина попечителя, господин инспектор полюбуется на господина Турбина с господином Мышлаевским. Это им будет удовольствие. Прямо-таки, замечательное удовольствие!

Надо думать, что последние слова Максима заключали в себе злейшую иронию. Лишь человеку с извращенным вкусом созерцание господ Турбина и Мышлаевского могло доставить удовольствие, да еще в радостный час приезда попечителя. У господина Мышлаевского, ущемленного в левой руке Максима, была наискось рассечена верхняя губа, и левый рукав висел на нитке. На господине Турбине, увлекаемом правою, не было пояса, и все пуговицы отлетели не только на блузе, но даже на разрезе брюк спереди, так что собственное тело и белье господина Турбина безобразнейшим образом было открыто для взоров.

— Пустите нас, миленький Максим, дорогой, — молили Турбин и Мышлаевский, обращая по очереди к Максиму угасающие взоры на окровавленных лицах.

— Ура! Волоки его, Макс Преподобный! — кричали сзади взволнованные гимназисты. — Нет такого закону, чтобы второклассников безнаказанно уродовать!»

Эти воспоминания общие не только для Турбина и Булгакова. Какой мальчишка вырастает без драк, выяснений отношений и доказательств, что он чего-то стоит! Так что можно быть уверенным в том, что Булгаков был непременно участником мальчишеских потасовок.

Паустовский вспоминает: «Булгаков был переполнен шутками, выдумками, мистификациями. Все это шло свободно, легко, возникало по любому поводу. В этом были удивительная щедрость, сила воображения, талант импровизатора. Существовал мир, и в этом мире существовало как одно из его звеньев — его творческое юношеское воображение».

Этот портрет юного гимназиста согласуется с другим портретом, домашним, который, так сказать, нарисовала сестра Булгакова Надежда. Она отмечала, что Миша был всегда весел, задавал тон шуткам, писал сатирические стихи про маму, братьев и сестер, давал всем стихотворные характеристики, рисовал карикатуры, играл на рояле.

Молодость успеваает все: учиться, веселиться, лицедействовать, театрализуя быт, заниматься спортом. Известно, например, что все три брата Булгаковых — Михаил, Николай и Иван — играли в футбол, который медленно, но верно становился популярным среди молодежи того времени.

Об атмосфере своего детства и отрочества Михаил Булгаков так написал в очерке «Киев-город»: «Весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на

склонах, зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Времена, когда в садах самого прекрасного города нашей родины жило беспечальное юное поколение».

Сегодня мы знаем, какие тяжелые испытания выпали на долю этого «беспечального поколения»: войны, революции, эмиграция, непростые годы становления советской власти, репрессии. Но пока это поколение верит, что все будет хорошо в его судьбе, что мир добр и праздничен, а они сами талантливы и неповторимы, и у них впереди долгая и, конечно, счастливая жизнь!

«О, восемь лет учения! Сколько в них было нелепого и грустного и отчаянного для мальчишеской души, но сколько было радостного. Но зато и весна, весна и грохот в залах, гимназистки в зеленых передниках на бульваре, каштаны и май, и, главное, вечный маяк впереди — университет, значит, жизнь свободная, — понимаете ли вы, что значит университет? Закаты на Днестре, воля, деньги, слава, слава», — напишет Булгаков в «Белой гвардии».

Как хорошо сказано: «вечный маяк впереди — университет»! Действительно, университет был виден из окон гимназии, но он был и маяком в жизни, которая предполагала дальнейшую учебу, приобретение любимой профессии. Для Булгакова университет — это путь к самореализации,

самоутверждению, путь служения людям. Но пока шла беспокойная гимназическая жизнь.

С 1906 года Булгаковы жили на Андреевском спуске, 13. К семерым детям прибавилась племянница, приехавшая в Киев учиться на Высших женских курсах, и два племянника, гимназисты, отец которых, священник русской миссии в Токио, служил в Японии. Вся эта веселая компания жила дружно, поддерживая друг друга, веря друг в друга, понимая и любя, подчиняясь «королевской» воле Варвары Михайловны Булгаковой.

Дом на Андреевском спуске, где Михаил Булгаков жил по 1919 год и куда «поселил» позже героев своего романа «Белая гвардия», с легкой руки писателя Виктора Некрасова называют «Домом Турбиных». Сегодня в этом доме продолжают свою жизнь одновременно две семьи: семья самого Булгакова и семья его литературных героев — Турбиных. Этот дом — настоящая легенда.

На скамеечке у дома, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, сидит Михаил Афанасьевич, задумчиво глядя на пришедших к нему гостей. Скульптура работы Николая Рапая была установлена не так давно, в октябре 2007 года, но кажется, что Мастер был здесь всегда.

В дом на Андреевском спуске, 13, можно зайти и, словно в машине времени, перенестись в другие миры. Вашим проводником в этих мирах станет Анатолий Петрович Кончаковский — директор мемориального музея Михаила Булгакова, а вместе с ним другие подвижники и волшебники, силами и талантом которых создавался этот музей.

По большому счету, это не музей — это целый мир. О нем нельзя рассказывать, в него надо просто попасть, побыть в нем, прочувствовать его.

Это дом, в котором дни, как и в мире в целом, летят безумно быстро. И в тоже время можно вернуть каждую ушедшую минуту. Достаточно открыть страницы рукописей, которые, как известно, не горят, и прочитать о том, как «...в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырьчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все

выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий. Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанскою Дочкою, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабая, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила: «Дружно... живите.»

Конечно, семья Турбиных из романа «Белая гвардия» и семья Булгаковых — это не идентичные

семьи. Но они, конечно, близки и родственны друг другу.

Во времена юности Булгакова в доме собиралась молодежь, отмечали праздники, читали книги, слушали музыку, пели арии из опер, читали стихи. Летом на даче организовывались самодеятельные спектакли. Булгаков брал уроки скрипки и неплохо играл на рояле, большей частью из своих любимых опер — «Фауста», «Аиды», «Травиаты». Михаил также пел, у него был мягкий, красивый баритон. На столе у него стоял портрет Льва Сибирякова — это был очень популярный в те годы бас — с автографом: «Мечты иногда претворяются в действительность». Словом, интересы у молодого Булгакова были весьма разносторонними, как и положено в этом возрасте!

Для молодости характерен неистребимый жизненный оптимизм, ощущение праздничности бытия. Однако это не исключало другой стороны жизни — прозаически-материальной. Семья была большой, пенсии постоянно не хватало, и два раза в год Варвара Михайловна Булгакова обращалась в гимназию с прошением: «Оставшись вдовой с семью малолетними детьми и находясь в тяжелом материальном положении, покорнейше прошу ваше превосходительство освободить от платы за право учения сына моего...». Как уже говорилось, сыновей у нее было трое, а дочерей — четыре.

Обыденного бытия никто не отменял, с ним надо было считаться. Но молодость берет свое и, невзирая на материальные трудности, рискует, влюбляется, стремится к славе, делает ошибки. Ведь главное в жизни — это все ошибки делать вовремя.

В начале лета 1908 года окончивший предпоследний, седьмой класс гимназии Михаил впервые увидел шестнадцатилетнюю Татьяну Лаппа, дочь управляющего Саратовской казенной палаты Николая Николаевича Лаппа. Она, тоже еще гимназистка, приехала в Киев на каникулы — здесь жили ее бабушка и тетка по отцу, Софья Николаевна, которая дружила с Варварой Михайловной Булгаковой. Именно Софья Николаевна сказала Татьяне: «Я познакомлю тебя с мальчиком. Он покажет Киев».

И Михаил со всей страстью молодости стал показывать девушке свой любимый Город. Вскоре у него был не только любимый Город, но и любимая девушка.

В семье Николая Николаевича и Евгении Викторовны Лаппа, дружной и многодетной, кроме Тани воспитывались еще четыре сына и дочь. Материальное положение семьи было по тем временам прекрасным, поскольку управляющий казенной палатой являлся третьим по значению чиновником в губернской иерархии.

Несколько десятилетий спустя Татьяна Николаевна рассказывала: «Я приходила из гимназии, бросала верхнюю одежду на пол, мать говорила: «Не подбирай — горничная уберет. Неизвестно, как сложится жизнь: пока позволяют обстоятельства — ничего не делай!»»

Судьба недолго позволяла юной Татьяне жить ничего не делая. Как это ни удивительно, но эта хрупкая девушка смогла перенести и тяготы войны, и трудности жизни в глубинке, и голодную жизнь в Москве, и многое другое, о чем в своей безмятежной юности и подумать не могла.

После первой встречи Михаил и Тася (так он ее называл) расстались на два с половиной года. Но чувства их не угасли. Приятель Булгакова, Саша Гдешинский, когда Таню не отпустили на праздники в Киев, отправил ей телеграмму: «Телеграфируйте обманом приезд. Миша стреляется». Конечно, это была шутка, но на отца Тани Николая Николаевича она произвела самое неприятное впечатление. Тем не менее, летом 1911 года Таню все-таки отпустили погостить у Булгаковых на даче под Киевом. А на Рождество Михаил впервые поехал в Саратов — познакомиться с будущими тестем и тещей. Жили Лаппа в Саратове в здании казенной палаты, в большой квартире с отдельным парадным входом. В доме Николая Николаевича давались обеды.

Позже Татьяна Николаевна вспоминала: «Стол накрывали на 100 человек — нам, детям, было раздолье! Когда мы познакомились с Михаилом, отец дослужился уже до действительного статского советника. У отца был курьер; в доме были горничная, кухарка, бонна. Семья была тоже большая — шесть детей, я старшая. Лакея не было: на стол подавала горничная. Закусок к столу не подавали — у отца были больные почки, так что в гостях мы любили консервы. Михаилу наш стол нравился».

Летом 1912 года сестра Булгакова Надежда записала в своем дневнике: «Мишино увлечение Тасей и его решение жениться на ней. Он все время стремится в Саратов, забросил занятия в университете, не перешел на 3-й курс».

Что ж, учеба могла подождать. Любовь была важнее!

Михаил Булгаков поступил на медицинский факультет университета в 1909 году. Впоследствии он говорил, что работа врача казалась ему «блестящей». Он представлял свою будущую профессию в ореоле таинственности и притягательности. Но следует заметить, что его привлекали и другие творческие планы. Так, в 1912 году Булгаков, показывая сестре Надежде свои рассказы, сказал: «Вот увидишь, я буду писателем».

Однако пока он все забросил, подхваченный светлой волной первой любви.

Возникшее между Михаилом и Тасей чувство прошло испытание временем, и 26 апреля 1913 года они обвенчались в Киево-Подольской Добро-Николаевской церкви.

Беззаботные и веселые Михаил и Тася стояли у аналая. У невесты не было ни фаты, ни подвенечного платья. Зато были заказаны особые плоские кольца с именами, выгравированными внутри, — «Михаил Булгаков» у нее и «Татьяна Булгакова» у него.

«Помню, под венцом почему-то хохотали ужасно. Домой ехали в карете», — вспоминала Татьяна Николаевна. «Как они подходят друг другу по безалаберности натур!» — сокрушалась сестра Булгакова Надежда.

Первые годы семейная жизнь была счастливой, такой, как и мечталось. К занятиям в университете Булгаков после свадьбы относился со всей серьезностью. Татьяна Николаевна рассказывала, что он ходил на все лекции, не пропускал занятий, посещал общественную библиотеку, которая открылась в конце Крещатика у Купеческого сада. Булгаков очень любил эту библиотеку и даже брал с собой жену. Пока он занимался, она читала какую-нибудь книжку. Влюбленным не хотелось расставаться даже на час.